

Малова Юлия Валерьевна

**Становление и развитие «лагерной прозы»
в русской литературе XIX-XX вв.**

10.01.01. - Русская литература

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Работа выполнена на кафедре русской и зарубежной литературы
Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева

Научный руководитель

доктор филологических наук,
профессор **Брыжинский** Андрей Иванович

Официальные оппоненты

доктор филологических наук,
профессор Галиуллин **Талгат** Набиевич

кандидат филологических наук,
доцент **Бреева** Татьяна Николаевна

Ведущая организация

Казанский государственный университет
культуры и искусств

Защита диссертации состоится 30 июня 2003 г. в 14 час 30 мин на заседании диссертационного совета Д **212 081 14** при Казанском государственном университете им. В. И. Ульянова-Ленина
Адрес: Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18

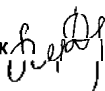
С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Казанского государственного университета им. В. И. Ульянова-Ленина

Автореферат разослан 29 мая 2003 г.

Ученый секретарь

диссертационного совета

кандидат филологических наук

Козырева Мария Александровна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования обусловлена, прежде всего кардинальными переменами которые произошли в середине 80-х - нач 90-х гг XX века в разных сферах общественно-политической, экономической, культурной жизни российского общества, ознаменовавшие новый этап исторического бытия. Ситуация рубежа веков и тысячелетий обусловила тяготение общественно-научной мысли к широким обобщениям, итоговым оценкам в определении онтологической сущности века ушедшего и в попытке наметить бытийные контуры века будущего.

В истории нашего общества есть так называемые «белые пятна», на которых десятилетиями лежало табу. Они существовали всегда: Сибирь и каторга, например, долгое время оставались тайной за семью печатями для русского общества XIX века. Лишь восстание декабристов в 1825 году и выход в свет их мемуаров (после возвращения в связи с амнистией) приподняло эту таинственную завесу. Мемуары несли новые знания о Сибири и ее обитателях, это были неопровержимые свидетельства из первых рук. Впервые общественному вниманию предложили рассказы не случайных и временных наблюдателей, но самих обитателей «ада».

Декабристами был заложен фундамент гуманистической мысли, ставший нравственной аксиомой для всей русской литературы XIX века. Суть ее состоит в том, что русский народ необычайно богат духовно, и если бы не калечащие обстоятельства жизни, он мог бы давать обществу «великих людей». Декабристами была впервые поставлена проблема преступления и наказания, заключающаяся в том, что преступление - трагическая предопределенность, обусловленная самой жизнью, **итог** зависимости от обстоятельств. Вина не человека, а сама система жизни.

Достойным продолжателем традиций декабристов стал Ф. М. Достоевский, и именно его по праву называют основоположником русской «каторжной прозы». Его роман «Записки из Мертвого дома» проникнут гуманистической идеей писателя о праве каждого человека называться личностью.

Свою лепту в развитие русской «каторжной прозы» внесли многие русские писатели. Среди них П. Ф. Якубович и А. П. Чехов. П. Якубович в своем романе

«В мире отверженных. Записки бывшего каторжника» создал правдивую картину каторжной действительности, а запоминающиеся образы каторжных начальников являются своего рода прототипами будущих гулаговских «царьков». А. П. Чехов средствами художественной публицистики продолжил и развил традиции Ф. М. Достоевского. Писатель подтверждает тезис автора «Мертвого дома» о каторге как месте нравственных пыток.

На долгие годы тема каторги и ссылки была «достоянием» дореволюционной России. И лишь появление в 1962 году рассказ А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» пролило свет на эту нелицеприятную область нашей действительности. А с середины 80-х гг. со страниц газет и журналов стали звучать все новые и новые факты о нашем недалеком прошлом, возрождаться в реальном свете имена тех, кого пытались вычеркнуть из памяти и сознания народа. И подобно тому, как в послереволюционные годы пытались предать забвению достижения и открытия, сделанные в веке XIX, так и в наши дни стало модным обличать с трибун и со страниц газет и периодических журналов свершения, строй жизни, литературные произведения века ушедшего.

Бесполезно искать тот момент в истории, с которого будто бы сломалась судьба народа из-за того, что кто-то придумал некий недостаточно репрессивный прием. Бесполезно искать и изобретателя тех или иных приемов - имя ему легион. Это неотъемлемая часть той «цивилизации», из которой выросло и от которой еще не очень далеко ушло современное человечество. Эти приемы заслуживают осуждения, но сами по себе ничего не объясняют. И чтобы быстрее уйти от такой «цивилизации», нужно честно изучать ее, не выбирая удобные факты для украшения приглянувшейся концепции, а беря факты во всей их совокупности, рассматривая их в реальном свете, в реальном историческом контексте.

Литература никогда не утратит интереса к человеку в неволе - безвинному или виновному. И «каторжная проза» не была обделена вниманием исследователей и критиков. Д. И. Писарев, А. И. Богданович, Н. К. Михайловский, К. Ф. Головин, А. М. Скабический, - это далеко не полный список мыслителей, посвящавших свои статьи и обзоры произведениям тюремных летописцев XIX века. Условиям содержания заключенных в Сибири и на Сахалине посвящены исследования Д. Н. Жбанкова и В. И. Яковенко, Н.

Ядринцева Г Фельдштейна Среди современных литературоведов и критиков хотелось бы отметить бесспорно труды Г М Фридлендера В Кирпотина В А Туниманова, В Бачинина, Г П Бердникова Л В Акуловой, Е А Акелькиной, Б Альтмана, В Б Шкловского и др

О современной «лагерной прозе» в последние десятилетия ушедшего века вышло немало работ Среди них хотелось бы отметить монографию о А И Солженицыне французского литературоведа Ж Нива, исследование Е В Волковой о В Шаламове, статьи И Виноградова, Д А Шумилина Е Шкловского, В Есипова Н Молчановой, З П Ермаковой

Художественный мир произведений о каторге, ссылке и лагере послужил материалом для диссертации И А Некрасовой «**Варлам Шаламов - прозаик Поэтика и проблематика**»², М Г Гиголова «Эволюция героя-рассказчика в творчестве Ф М Достоевского 1845-1865 гг»², М П Теофилова "Записки из Мертвого дома" Ф М Достоевского Поэтика и проблематика³

Каждая из названных работ решала те или иные цели и задачи (нередко совершенно конкретные), связанные с творчеством того или иного писателя Существуют работы, построенные на сопоставительном анализе произведений писателей, например, диссертация Л В Акуловой «Ф М Достоевский и А А Чехов (Традиции Достоевского в творчестве Чехова)»⁴

Актуальность предлагаемого нами исследования обусловлена назревшей необходимостью целостного анализа становления и развития русской «лагерной прозы» XIX-XX вв Нам представилось возможным и интересным сопоставить произведения писателей XIX и XX века, найти общие точки соприкосновения выяснить, с помощью каких художественных средств автор передает нам изменение психологического состояния человека, оказавшегося по ту сторону колючей проволоки

Произведения, на которых мы остановили выбор, характеризуют собою, по нашему мнению, целые эпохи нашей истории 40-50-е гг XIX века

¹ Некрасова И А Варлам Шаламов - прозаик (Поэтика и проблематика) Автореф дис канд филол наук 10 01 01 - Самара, 1995 -15с

² Гиголов М Г Эволюция героя-рассказчика в творчестве Ф М Достоевского 1845 1865 гг Автореф дис канд филол наук 10 01 01 - Тбилиси, 1984 -28с

³ Теофилов М П Записки из Мертвого дома Ф М Достоевского Поэтика и проблематика Автореф дис канд филол наук 10 01 01 -Воронеж, 1985 -20с

⁴ Акулова Л В Ф М Достоевский и А А Чехов (Традиции Достоевского в творчестве Чехова) Автореф дис канд филол наук 10 01 01 -М., 1988 -24 с

(предреформенный период) Этот период представлен в нашем исследовании романом Ф. М. Достоевского «Записки из Мертвого дома» Произведениями П. Ф. Якубовича «В мире отверженных Записки бывшего каторжника» и путевые записки А. П. Чехова «Остров Сахалин» характеризуют 90-е годы XIX века (пореформенный период), канун первой русской революции. И наконец, 30-40-е XX века (расцвет культа личности И. В. Сталина) представлены произведениями А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Архипелаг ГУЛАГ», «Колымскими рассказами» В. Т. Шаламова и романом О. В. Волкова «Погружение во тьму»

Научная новизна предлагаемой диссертации состоит в том, что впервые делается попытка сопоставления произведений, посвященных каторге и ссылке с произведениями писателей - узников ГУЛАГа, а также эстетики и поэтики в изображении писателями человека, оказавшегося в подобных условиях

Теоретическую и методологическую основу диссертационного исследования составили труды отечественных литературоведов, философов, критиков мыслителей, специалистов: Д. И. Писарева, М. М. Бахтина, И. Ильина, Н. А. Бердяева, Л. Я. Гинзбург, О. Р. Лациса, Г. М. Фридлендера, В. Б. Шкловского, В. Я. Кирпотина, Г. П. Бердникова, В. Б. Шкловского, В. С. Соловьева и др.

В основу методологического подхода к изучению становления и развития «лагерной прозы» в русской литературе XIX-XX столетий положены методы изучения художественного произведения, связанные с использованием сравнительно-исторического, проблемно-тематического и историко-описательного подходов к изучению литературы. Использован лексико-семантический подход, который предполагает возможность через изучение средств художественной выразительности прийти к пониманию своеобразия творческого мышления писателей.

Научно-практическая значимость исследования определяется возможностью использования ее положений и эмпирического материала при изучении проблем современной русской литературы. Использование положений и выводов возможно при чтении курса лекций, при разработке спецкурсов, учебных и методических пособий и рекомендаций, при

составлении программ, учебников и хрестоматий по русской литературе для вузов и учащихся старших классов общеобразовательных школ

Апробация **результатов** исследования проходила на кафедре Мордовского государственного университета имени Н П Огарева По теме исследования были сделаны доклады на XXIV,XXV и XXVI Огаревских чтениях, на I и II конференции молодых ученых, при проведении факультативных занятий в старших классах в гимназии и лицее

Предмет и объект исследования Предметом исследования является русская «лагерная проза» XIX-XX вв. Объект исследования - становление и развитие русской «лагерной прозы» XIX-XX столетий

Цели работы направлены на создание целостной картины зарождения и развития русской «лагерной прозы» XIX-XX веков, выяснение точки зрения писателей на проблему возможного исправления арестантов в лагере (каторге, ссылке) и возможность его нравственного возрождения

Реализации данных целей подчинены следующие задачи

- 1 Определить истоки и дальнейшее развитие русской «лагерной прозы» XIX-XX столетий
- 2 Раскрыть жанровое своеобразие «лагерной» прозы и особенности проявления авторской позиции в анализируемых произведениях
- 3 Раскрыть позицию авторов произведений относительно проблемы преступления и наказания, свободы человека как главной жизненной необходимости

Основные положения, выносимые на защиту:

- 1 Проблема преступления и наказания, впервые поднятая декабристами, была продолжена и разработана Ф М Достоевским, который по праву считается основоположником русской «каторжной прозы» XIX века Традиции Ф М Достоевского нашли свое отражение в произведениях писателей XIX века, посвященных царской каторге и ссылке П Ф Якубовича, А П Чехова
- 2 Важные социальные и философские проблемы, поставленные Ф М Достоевским в романе «Записки из Мертвого дома» - проблема преступления и наказания, проблема жизни человека в неволе, проблема его свободы - нашли отклик в произведениях писателей-«лагерников» А Солженицына, В Шаламова, О Волкова Пророческое предупреждение Ф Достоевского об

опасности опьянения безграничной властью, данной одному человеку над другими, раскрывается в произведениях, посвященных ГУЛАГу.

3. Выказанная Достоевским мысль о пагубном влиянии Мертвого дома на человека, раскрывается в полной мере в «Колымских рассказах» В. Шаламова, где подробно говорится об абсолютно отрицательном лагерном опыте. Причем это касается всех - и начальников, и подчиненных. С утверждением В. Шаламова о неизбежном растлении всех, кого так или иначе коснулась лагерная жизнь, полемизирует А. Солженицын, утверждая, что личность автора «Колымских рассказов» доказывает об обратном. Ф. М. Достоевский также доказывает, что каторга не может сделать из человека преступника, если он не был таковым ранее.

4. Стойкость, душевная сила верующих людей, служителей культа служила примером многим заключенным. Об этом говорят писатели-«лагерники», и писатели XIX века. Не подвергались влиянию Мертвого дома не только верующие люди, но и те, в ком было нравственное ядро, кто имел незывлемые моральные принципы.

Структура и объем работы. В соответствии с целью и задачами данного исследования мы, начав с введения, рассмотрели становление и развитие «лагерной прозы» следующим образом: русской «каторжной прозе» XIX века мы посвятили первую главу, русской «лагерной прозе» XX века - вторую главу, каждая глава состоит из пяти параграфов. Затем следуют заключение и библиографический список, включающий 152 наименования. Общий объем работы составляет 236 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во ВВЕДЕНИИ делается обзор литературы по проблеме, обосновываются актуальность и научная новизна исследования, определяются цели и задачи диссертации.

В первой главе «КАТОРЖНАЯ ПРОЗА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА - ПРООБРАЗ «ЛАГЕРНОЙ ПРОЗЫ» определяются предпосылки зарождения русской «каторжной прозы» XIX века.

§1 «Жанровое своеобразие «каторжной прозы XIX века»

Вопрос о жанре «Записок» до сих пор остается спорным в современном литературоведении. Изучив и сопоставив мнения исследователей творчества Достоевского, мы пришли к выводу определять жанр произведения как роман-исповедь, поскольку, по выражению героя, его «Записки о погибшем народе» - строгий пересмотр прежней жизни, суд над самим собой. По замечанию М. М. Бахтина, там, где появляется попытка зафиксировать себя самого в покаянных тонах, имеет место самоотчет-исповедь. Взяв за основу пушкинский композиционный прием «Повестей Белкина», Достоевский выводит фигуру **Издателя**, нашедшего «Записки о погибшем народе» Горяничкова. Таким образом, «я» Достоевского раздваивается между «я» Издателя и Горяничкова. Вся каторга показана через призму эмоциональных человека тонкой душевной организации, Горяничков - страстный любитель **чтения**, грамотный, образованный человек. И тот литературный пласт, культурный багаж, душевная организация, которыми Достоевский наделил своего героя, позволяет нам увидеть за личностью Горяничкова самого автора.

«В мире отверженных Записки бывшего каторжника» П. Ф. Якубовича во многом перекликаются с «Записками из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского. Однако Якубович не стремится проникнуть во внутренний мир своих героев, не ставит в своем романе таких нравственно-философских проблем, как человек, **его** природа и свобода, проблема преступления и наказания. Это 2-х томное правдивое описание жизни на каторге, со всеми ее ужасами и мерзостями. Тем не менее, типы лагерных начальников, выведенные Якубовичем на страницах **романа**, во многом схожи с гулаговскими «царьками», появившимися в России в XX веке, а «бродяги», встреченные на каторге Якубовичем, являются страшным прообразом «блатарей», занявших, как и бродяги, особое привилегированное положение среди заключенных. В целом, произведение Якубовича во многом впитало из себя то, что было начато «Записками» - документальность и публицистичность, правдивое изображение каторжной действительности в сочетании с образностью и художественностью.

Путевые записки «Остров Сахалин» А. П. Чехова оправдывают определение М. Л. Семановой очерка как открытия, составляющего особенность жанра. Несомненно, важной школой для Чехова были «Записки из Мертвого дома», привлекавшие сочетанием романских традиций,

автобиографичности и документальности. Отличительной особенностью путевых записок является слияние голоса повествователя и голоса автора. Все увиденное и услышанное на Сахалине передается через собственно авторское восприятие. Стремясь к максимально объективной подаче материала, писатель использует стилистически нейтральные средства, предоставляя фактам и цифрам говорить за себя. Иногда авторские оценки высказываются в метафорической форме. Широко используется автором и прием отстранения.

§2 Образ Мертвого дома в изображении Ф. М. Достоевского, П. Ф. Якубовича, А. П. Чехова

Одной из важнейших проблем «каторжной прозы» является проблема преступления и наказания.

Ф. М. Достоевский всем строем своего произведения доказывает, что жестокое обращение с преступниками может только еще более испортить их. А. П. Чехов солидарен в этом со своим великим предшественником, заявляя, что жестокость нельзя подавить жестокостью. Вину за это писатель возлагает на общество, которое равнодушно к этому злу, притерпелось и свыклось с ним.

В романе Достоевского прослеживается мысль о каторге как «Мертвом доме» в котором люди погребены заживо. Внешними признаками омертвления человека служат бритые наполовину головы, одежда, сшитая из разного сукна, символичен барабанный лейтмотив, бряканье цепей. А. П. Чехов изображает Сахалин как реальный земной ад, образ Мертвого дома неоднократно всплывает на страницах чеховского повествования. Оба писателя подчеркивают ужас насильственного общежития, когда в одной камере вынуждены жить люди разных сословий, разного вероисповедания, национальностей, когда семейные люди с несовершеннолетними детьми вынуждены делить кров с поселенцами, состоящими в гражданских браках, одинокими каторжанами.

Мертвый дом - символ каторжного общества вообще. В Омском остроге, на Сахалине, как в зеркале, отражено то, что было по всей России - произвол, беззаконие, попрание прав человека. А. П. Чехов видит зло, прежде всего, в общих камерах, в равнодушии общества.

Идеологи Мертвого дома - надзиратели, обладающие такими «добродетелями», как воровством, хищениями, сомнительными сделками с арестантами, Жеребятников, Кривцов у Достоевского, Лучезаров у Якубовича -

своего рода мертвые души, продавшие свою живую душу Мертвому дому. Мертвящее влияние Мертвого дома поражает и простых арестантов. Таковы Газин, А-в у Достоевского. Образы Ильинского, старика-старообрядца Алея, Нурры, в «Записках», Егора у Чехова служат примером душевной стойкости личности в условиях, лишенных моральной поддержки. Душевную стойкость нравственно сильных людей отмечают В. Шаламов, А. Солженицын, О. Волков и другие писатели «лагерной прозы», людей, не сломившихся, не поддавшихся пагубному влиянию Мертвого дома.

§3 Проблема природы человека и его свободы Человек, его природа и свобода - важные проблемы, на которые затрагивают писатели в своих произведениях. Проблема свободы личности, проблема заявить себя - этот мотив проходит через произведение Достоевского. Методами непрямого психологического анализа автор «Записок», насколько тяжело человеку жить в неволе, к каким уловкам прибегают арестанты, чтобы заявить о своем праве на личность. Занимаются контрабандной торговлей вином, ставят театральные постановки, тратят деньги на обновки, не похожие на арестантскую одежду. Побег - самое яркое проявление тяги человека к свободе. А. П. Чехов прямо заявляет, что если арестант не философ, которому везде хорошо, он не должен и не может не хотеть бежать.

Если Достоевскому посчастливилось встретить на каторге лучших представителей народа, то Якубович свидетельствует, что основу «его» каторги составляли «подонки народного моря». В первую очередь, это связано с отменой закона о 25-летней военной службе и крепостного права. Якубович отмечает, что его коробила жестокость, желание похвалиться совершенными преступлениями, нежелание раскаиваться в содеянном.

Ф. М. Достоевский считал, что любое преступление не должно оставаться безнаказанным, только степень наказания не должна превышать совершенного преступления. А. П. Чехов верил в человека, в его нравственный и духовный потенциал, в культуру и цивилизацию, которые - он был убежден - сделают свое благородное дело и искоренят то зло, что живет в человеке.

§4 Мотивы одиночества и парадоксы человеческой психики Раскрывая душевное состояние Горяничкова на каторге, автор «Записок из Мертвого дома», передал нам канву своего душевного состояния на каторге. Открывая мир острога, он познавал в первую очередь самого себя. В

принципе глубокий анализ сложных чувств, охвативших героя представляет собой бесконечный процесс открытия «человека в человеке» Достоевский с жестоким реализмом погружает читателя в фантастический мир в котором оказался он сам, во мрак, царивший в душе героя, и говорит о законности этого состояния. Одиночество и замкнутость Горяничков вынес из острога и перенес в **запроволочный** мир. Сознательно уменьшая бытовые тяготы писатель подчеркивает душевные, моральные, психологические, несомненно, более тяжелые. Сюжет с острожной собакой Шариком раскрывает трагизм человека, находящегося в дисгармонии с окружающими людьми. Немудреная собачья ласка в буквальном смысле спасла героя.

П. Ф. Якубович подчеркивает ненависть каторжных из Шелаевской тюрьмы к дворянству, священникам, интеллигентам. Многие эпизоды романа точно «запротоколировали» стремления и настроения, овладевшие народом после Февраля и Октября 1917 года, в годы гражданской войны. Строки романа, где описываются эти настроения, перекликаются со страницами дневниковых записей И. Бунина «Окаянные дни», с произведениями В. Шаламова, А. Жигулина, И. Таратина, Л. Разгона.

§5 Проблема палача и палачества в «каторжной прозе»

Пагубное, мертвящее влияние оказывает на души исполнителей и наказуемых телесное наказание, широко распространенное на каторге и в ссылке.

Палач у Достоевского - герой «физиологического очерка», писатель подробно описывает его манеру держаться, объясняет причины его надменности и пренебрежительного отношения не только к арестантам, но и к лагерному начальству, используя методы психологического анализа, раскрывает душевное состояние палача перед наказанием и во время приведения приговора в исполнение. Зачатки тирана есть в каждом человеке, утверждает Достоевский, но далеко не во всех людях они развиваются. На конкретных примерах писатель доказывает, что палачом либо делаются, либо палача делают. Причина этого, - история и общество. Достоевский трактует тему палача и палачества не только с точки зрения биологии и психологии, но общественно-исторически.

А. П. Чехов также указал на моральную деградацию, охватывавшую и арестантов, и исполнителей, которые находили удовольствие в «дранье»,

потрясая читателя объективной картиной наказания, свидетелем которого был писатель П. Ф. Якубович пронизательно увидел и подчеркнул, что вседозволенность и произвол становятся главной приметой каторжного бытия. На примере полицмейстера Ломова писатель показал, к каким трагическим последствиям может привести безнаказанно чинимое насилие.

Во второй главе «ОБРАЗ ЛАГЕРЯ КАК АБСОЛЮТНОГО ЗЛА В «ЛАГЕРНОЙ ПРОЗЕ XX ВЕКА» прослеживается развитие этого литературного направления, в новом свете рассматриваются проблемы, поднятые в веке XIX.

§1 Жанровое своеобразие и особенности проявления авторской позиции в «лагерной прозе» XX века В рассказе «Один день Ивана Денисовича» намечается предельное сближение образа автора и его личности, обыденно-бытовые качества которой попадают в сферу художественного изображения. Жизнь Ивана Денисовича показана изнутри, его глазами. Этот эффект достигается при помощи использования возвратных глаголов: чудилось, не хотелось, и т. п. Авторский голос звучит в абзацах-ремарках, в пейзажных зарисовках: «на морозе двадцать семь, в Шухове тридцать семь, теперь - кто кого», при помощи образа бригады и отношению к лагерному труду читатель понимает, кому принадлежит повествование - Шухову или автору. Бригада для Ивана Денисовича - семья, для автора — специальное устройство, для того и созданное, чтобы помыкать зеками.

При единстве темы разные жанры, являясь особыми способами осмысления жизни, требуют разного отбора материала, создают разный тип конфликтности, разнятся возможностями выражения авторской позиции.

«Архипелаг ГУЛАГ» - произведение, привлекающее необычностью его художественной формы. Его «художественное исследование», с современной точки зрения принадлежащее публицистике, но, если смотреть на него из других, более древних культур, это, конечно, литература, которая в своей нерасчлененности соответствует глобальности поставленной задачи.

«Архипелаг ГУЛАГ» дал возможность решить две необходимые для А. И. Солженицына задачи: полноту объема, которая выражается и в стремлении к многосторонности исследования лагерной жизни, и максимально прямое выражение авторской позиции, непосредственное звучание собственного

голоса Следовательно, как и у А П Чехова в «Острове Сахалин» в «Архипелаге» происходит слияние голосов автора и повествователя

Роман О В Волкова «Погружение во тьму» относится к пограничному жанру, стоящему на стыке автобиографического и исторического романа, поскольку писатель повествует не только о своей судьбе, но и об исторических событиях, увязывая судьбу России со своей собственной судьбой, рассуждает об истоках и причинах погружения России во тьму Автор не стремится «спрятаться» за вымышленной фигурой героя-повествователя Это воспоминания автора о своей жизни, о пути на «дно», и о нравственном возрождении

В прозе В Т Шаламова наблюдается слияние голосов автора биографического и автора-творца Например, рассказ «Мой процесс» предполагает явную автобиографичность Герой-повествователь, равновеликий автору, или вовсе не именован, или носит вымышленные имена - Крист, Голубев, Андреев Там, где Шаламов рассказывает о себе, избирается форма героя-повествователя, о другом «я» (или «мы») - выявленный в тексте, но не участвующий в фабульных событиях личный повествователь («Сука Тамара», «Прокаженные», «Вечерняя молитва») Эпически отстраненный, нейтральный, ничем не проявленный в тексте повествователь встречается в рассказах «Геркулес», «Ночью», «Инжектор», «Аневризма аорты» Шаламовская проза личностна, а потому в значительной мере субъективна Субъектная организация его произведений может различаться лишь внешне, формально По сути же, как бы ни был назван и определен носитель речи, он всегда равновелик В Шаламову - писателю и человеку трагической судьбы

§2 Тема «Мертвого дома» в «лагерной прозе» XX века Мертвый дом как символ несвободы и несвободного общества, живет и в образной системе писателей-«лагерников» Достоевский впервые наметил очертания Омского каторжного острога как острова, необитаемого для благородного каторжанина Через столетие Солженицын осмыслил систему островов как Архипелаг Достоевский убеждал, что «страшные каторжане» не намного хуже нормальных людей, Солженицын объяснял, что остальные не хуже зеков, и свободные люди постоянно ощущают на себе то же самое давление, что и обитатели Архипелага В Шаламов доказывает, что процесс «расчеловечения» начинается через физиологию и не случайны его

подробные дотошные описания мук, на которые Мертвый дом обрекает свои жертвы голод, холод, невыносимые побои, рабский труд, а также последствия этих мук - «доплывание» человека («Сгущенное молоко», «Город на горе», «Сухим пайком»)

А. П. Чехов сравнивал свое чувство по приезде на Сахалин с чувством Одиссея «когда он плывал по незнакомому морю и случайно предчувствовал встречи с необыкновенными существами». Необыкновенные существа в лагерном мире В. Шаламова и А. Солженицына - «туземцы», зеки, населявшие острова загадочного, безжалостного Архипелага.

В. Шаламов был непримирим к политическим спекуляциям на лагерной теме. В рассказах «Плотники», «Одиночный замер», «Артист лопаты» и многих других В. Шаламов художественно выражает свое несогласие относительно представления о том, что и в лагерях советские люди трудились на благо родины. Здесь он порой выступает в нехарактерной для него роли публициста - этому обязывает сам материал («Сухим пайком»)

В романе «В мире отверженных» автор приводит свидетельство старого каторжанина, рассказывающего, что во времена общего режима в рудниках каждый арестант должен был отработать положенную норму. Увидев, как малопроизводителен был такой труд, не приносящий каторжным выгоды, начальство распорядилось, чтобы каждый каторжник исполнял обязательный казенный урок, а все, что сверх нормы - оплачивалось по старательским расценкам. Но вполне естественно, что не только перевыполнить, но и выполнить норму каторжанин не смог бы, если бы его держали впроголодь на одной баланде, как это было в ГУЛАГе. А за невыполнение положенной нормы - еще и расстреливали («Последний день»). Еще Достоевский в «Записках из Мертвого дома» писал, что тягость и *каторжность* работы арестанта - не столько в трудности, непрерывности ее, сколько в том, что она - *принужденная, обязательная, из-под палки*.

Достоевский называл омский каторжный острог Мертвым домом, Чехов сравнивал жизнь на Сахалине с адом. Писатели-«лагерники» доказывают на многочисленных примерах, что ад и Мертвый дом плавно перекечевали из XIX в XX-й: нельзя не содрогнуться, читая про лейтенанта танковых войск Свечникова, уличенного в поедании трупов из морга. Жуткий эффект создается

при помощи использования приема контраста розовощекий юноша с нежной внешностью - и грязная, черная душа

"Удача", "случай" - ключевые понятия в прозе В Шаламова Игра случая становится сюжетной основой многих из рассказов Шаламова "Утка", «Облава», «Тифозный карантин», в котором концентрированное всего реализовалась одна из задач "новой прозы" - фиксация редких состояний души, изображение новых психологических закономерностей в поведении человека Окрашенное пессимизмом мировоззрение Шаламова, заставляя вспомнить предупреждения Достоевского о скрытых низменных свойствах человеческой "натуры", дополняло их печальным уроком XX века будить эти низменные свойства - наитягчайшее из преступлений, на которое способны общество и государство

Метафора ада, обычно встречающаяся в различных воспоминаниях о лагерях, подразумевает не только нечеловеческие муки заключенных, ад - царство мертвых В этом мы также видим параллели с «каторжной прозой» XIX века

Без лишних слов, без нагнетания чувствительности рассказывает Шаламов о страшной тайне колымской земли Но каждая вполне реалистическая деталь в своей безжалостной выразительности - как знак ирреальности происходящего В подземных кладовых Колымы оказалось не только золото, но и нетленные человеческие тела («По лендлизу») Интересна одна деталь на блестящем лезвии ножа бульдозера не было ни одной царапины

Писатели-«лагерники» рассказали о том, что нельзя видеть и знать человеку Их голос как бы звучит из царства мертвых Они не просто свидетельствуют - в своей прозе они живут

§3 Проблема нравственной стойкости человека в лагерном мире

Даже в жестоких условиях золотых забоев Колымы писатели не могли не показать героическое начало в человеке Оно выявляется по-разному У одних - в существовании неких нравственных границ, которые невозможно переступить, у других - в готовности идти на верную смерть и в открытом сопротивлении злу с оружием в руках протянуть руку свободе Нравственно сильные люди, не желающие умирать медленной смертью униженных, раздавленных зеков Об этом - рассказ В Шаламова «Последний бой майора

Пугачева" Глубинный драматизм рассказа заключается в том, что правда героев, правда инстинкта свободы окрашивается в кровавые тона. За ней - трагедия народа, становившегося одновременно палачом и жертвой. Эта проблема вынесена за рамки рассказа, потому что для автора здесь важен, прежде всего, именно прорыв к свободе, разрывание порочного круга рабства, пусть даже ценой жизни.

Таких рассказов, как "Последний бой майора Пугачева", где изображается несломленный человек, у В. Шаламова крайне мало, поскольку он считал, что изображать "устоявших" - это тоже вид духовного растрепывания. Это был главный пункт расхождения В. Шаламова и автора "Архипелага ГУЛАГ". Отстаивая гуманистическую веру в человека, завещанную классикой минувшего столетия, А. Солженицын спорил в своем художественном исследовании с В. Шаламовым, доказывая на известных ему примерах (в том числе и личность автора «Колымских рассказов» служила для А. И. Солженицына примером доказательства его правоты), что человек заслуживает большего уважения, что многие все-таки выстаивали, находили в себе силы для сопротивления злу.

На протяжении всего повествования «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицын доказывает на многочисленных примерах, что и в нечеловеческих условиях можно остаться людьми. Наряду с "погружением во тьму" ищет противоположное движение от тьмы к свету (комбриг Травкин, тетя Дуся Чмиль, профессор Тимофеев-Ресовский). Идеалом исправления писатель называет «Остров Сахалин» А. П. Чехова, утверждая, что Чехов еще до наших ИТЛ разглядел и назвал растрепывание на Сахалине, пороки арестантов - от их подневольности, порабощения, страха и постоянного голода. Но эти пороки - лживость, трусость, **воровство**, малодушие - не касались верующих людей, людей просто нравственно сильных. А. П. Ф. Якубович считал, что террористический режим каторги «исправляет» лишь не развращенных - но они и без этого второй раз не совершат преступления. А испорченного этот режим не только развращает, заставляет быть хитрым, лицемерным, но возможности не оставлять улики.

Немало страниц посвятил О. В. Волков описанию подвигов и простых сельских священников, и епископов, и сектантов - "темных по знаниям, но

светлых по вере своей»¹ Никакие запугивания и побои не понудили их «служить» злу, то есть власти, распинавшей Христа С теплотой пишет О Волков о типичных русских батюшках, которые благодарили Бога давшего возможность молиться в Соловецком монастыре святыням, иконам, на которые крестились угодники и подвижники Слово «тьма» в заглавии романа многозначно «Тьма» личной судьбы автора и «тьма» всеобщей нищеты и бесправия, взаимного недоверия и подозрительности Но главное его значение - «тьма» как противоположность свету духовному

В Т Шаламов, как бы даже специально рассчитанным приемом изымает из своей художественной системы традиционные представления о Боге и религии Именно этой цели, по мнению Л Тимофеева, служит рассказ "Крест", в основу которого легли подлинные факты из жизни родителей В Т Шаламова - Тихона Николаевича и Надежды Александровны Это рассказ о старом слепом священнике, хоть и жившем не на Колыме и даже не в лагере, но все в тех же условиях постоянных лишений, унижений, издевательств Оставшись с такой же, как и он, старой и больной женой совершенно без средств, священник ломает, разрубает на продажу наперсный золотой крест Но не потому, что утратил веру, а потому что Бог не в этом

Духовное движение становится лейтмотивом главы "Восхождение" в «Архипелаге ГУЛАГ» Тьма делает человека более чувствительным к свету, тот, кто прошел путем страданий готов идти в гору, к солнцу - такова мысль главы Гора - символ движения вверх, приближения к небу, к Богу Восхождение по горной дороге передается образами, позволяющими буквально ощутить движение сыплются камни из-под ног, вниз, в прошлое **Итог** восхождения подводится в главе "Ветерок революции"

Растлеваются в лагере те, кто не был обогащен никакой нравственностью "Критическая точка" - какой ценой выжить - открывает два пути путь растления может превратить человека в злодея, путь восхождения же ведет к праведничеству По второму пути шли немногие Немногие дошли до конца и не сломались Это воистину был путь мучеников, праведников

§4 Проблема противостояния «социально-близких» и интеллигенции

Ни одного снисходительного слова, а тем более оправдания не находит В Т Шаламов для блатарей Жертва общества или несчастного стечения

¹ Волков О В Погружение во тьму М Сов Россия 1992 С 52

обстоятельств - это не принимается во внимание писателем. Более того, он говорит о необходимости уничтожения "уроков", потому, что исправить их невозможно, зато воровской мир притягивает неудержимо, втягивая в себя слабые души, соблазняя их уголовной "романтикой". Между христианской точкой зрения «Записок из Мертвого дома», так растрогавшей Л. Н. Толстого, и «Колымскими рассказами» В. Шаламова, на первый взгляд - бездна. Но утверждение В. Т. Шаламова подтверждает и А. И. Солженицын. Вся их «романтическая вольница», по Солженицыну, есть вольница вурдалаков, а все остальные - не люди. Самое страшное, что видит А. Солженицын в блатных - это осквернение ими всего кряда, всего того, что для нас представляет естественный круг человечности. Не случайно самое излюбленное словечко блатных - **«фраерский»** - означает «общечеловеческий». Нормальный мир с его моралью, привычками и обычаями наиболее ненавистен блатным, и они высмеивают его.

Вновь и вновь возвращаясь к опыту Ф. М. Достоевского, В. Шаламов замечает, что в "Записках из Мертвого дома" Достоевский описывает "несчастных", которые ведут себя как дети, увлекаются театром и по-ребячьи безгневно ссорятся между собой. Достоевский не встречал и не знал людей из настоящего блатного мира. Этому миру Достоевский не высказал бы никакого сочувствия. Образы Петрова, Алея, Сушилова, Сироткина, **Газина** - все это с точки зрения подлинного преступного мира - и есть «фраера», «мужики», люди, которые презираются настоящим «преступным миром». Вор - не тот человек, который украл. Можно украсть, но не быть блатным. Достоевский на своей каторге не встречал таких людей, а если бы встретил, «мы лишились бы, может быть, лучших страниц этой книги - утверждения веры в человека, утверждения доброго начала, заложенного в людской природе»¹.

§5 Тема палачества в «лагерной прозе» XX века Растление общества началось задолго до того, как появились сталинские лагеря. Об опасности опьянения властью над себе подобными предупреждал еще Ф. М. Достоевский, вслед за ним - и А. П. Чехов.

В романе Ф. М. Достоевского "Записки из Мертвого дома" описан воистину уникальный случай, когда комендант распорядился "своей властью" ссыльного

¹ Шаламов В. Т. Очерки преступного мира/Шаламов В. Т. Несколько моих жизней. Проза. Поэзия. Эссе. - М. Республика, 1996. - С. 198.

полюка телесному наказанию и как после этого ему пришлось чуть ли не слезно вымаливать прощение у наказанного Гулаговские сатрапы расправлялись со своими жертвами именно "своею властью", и невозможно припомнить хоть один случай, чтобы сталинский палач не то что попросил прощения, но хотя бы отменил самолично вынесенный им приговор

Человека нельзя познать до конца, поскольку он не знает границ своего нравственного развития, причем в обоих направлениях **М М Бахтин** неоднократно обращал внимание на то, что нет ничего страшнее, чем безответственность в деяниях, ведь утрата ответственности ведет к деградации поступка Эта мысль **М М Бахтина**, подтверждена материалом "Колымских рассказов" Именно о деградации поступка вследствие полнейшей безнаказанности действий и повествует **Шаламов** в рассказах «РУР», «Город на горе», когда голодных людей впрягли в сани вместо лошадей А П Чехов на страницах «Острова Сахалин» приводит подобный случай впряжения заключенных в пожарную телегу Автор «Погружения во тьму» полностью подтверждает вывод В Шаламова, что лагерь - абсолютно отрицательный опыт, он «по природе своей не способен вместить начал добра и счастья»¹ Столь же определенен приговор писателя всей системе в целом власть, избравшая главным инструментом насилие, расчеловечивает человека, отторгает его от вековых нравственных устоев, кровавыми расправами погружает народ в страх и нищету, разрушает в нем сами понятия добра и зла Люди превращаются в «неразборчивых в средствах искателей легкой жизни, не стесненных этическими и моральными нормами»² На ней, на самой системе, лежит «мертвящее тавро лагеря»

Даже поощрения в лагере Шаламов считает растлением, поскольку вся система взаимодействия между начальниками и подчиненными основана на лжи, на пробуждении в человеке самого худшего Тот, кто еще вчера был заключенным, сегодня готов бить или стрелять сам Этот тезис писатель подтверждает материалом рассказа «Леша Чеканов или Однодельцы на Колыме», «Тайга золотая», «Татарский мулла и чистый воздух»

Опьянение властью над людьми, безнаказанность издевательства, унижения, поощрения - нравственная мера служебной карьеры начальника

¹ Волков О В Погружение в тьму С 349

² Там же С 285

Так в рассказе «Галина Павловна **Зыбалова**» В Шаламов повествует о молодом лейтенанте Постникове, который прославился тем, что, задержав беглеца, поленился вести его обратно за 10-15 километров, поэтому, подстрелив несчастного, он отрубил топором обе кисти беглеца, сложил их в сумку и повез рапорт о поимке арестанта Постников не считал арестантов за лнадей, их жизнь ничего не стоила А беглецу, как думал лейтенант, все равно не жить ему «наматывают» новый срок или приговорят к расстрелу

В Т Шаламов утверждал, что лагерному растлению подвержены все Но все же есть исключения из этого правила В рассказе «Мой процесс» выведена фигура бригадира Нестеренко, спасшего его от голодной смерти, взяв в свою бригаду Нестеренко понимал голодных людей, не сочувствовал, а именно понимал в бригаде Нестеренко добавки давали самым голодным

В Т Шаламов также выделяет два вида преступлений, присущих врачам преступление действием и преступление бездействием В рассказе «Шоковая терапия» описан типичный случай преступления действием, когда врач разоблачает полуживого доходягу с тем, чтобы лишний раз убедиться, что за долгие годы не утратил своего мастерства, своей квалификации Случаи преступления бездействием описаны в рассказах «Рива-Роччи», «Вечная мерзлота», «**Триангуляция III класса**»

Рассказ «Домино», где повествуется о враче, помогшим автору пройти через ад колымских лагерей, является антиподом рассказа «Красный Крест», где приведены примеры о преступлениях врачей в лагерях Врачам, честно исполнявшим свой долг, посвящен рассказ «Перчатка» Таким образом, еще раз подтверждается утверждение Достоевского, что Мертвый дом (лагерь, ссылка, каторга) не может сделать из человека преступника, если он не был таковым до каторги

В ЗАКЛЮЧЕНИИ обобщены результаты исследования, подведены итоги

Тысячи страниц воспоминаний декабристов, «Записки из Мертвого дома» Ф М Достоевского, «В мире отверженных» П Ф Якубовича, «Остров Сахалин» А П Чехова, «Архипелаг ГУЛАГ» А И Солженицына, «Колымские рассказы» В Т Шаламова, «Крутой маршрут» Е А Гинзбург, «Погружение во тьму» О В Волкова - это далеко не полный список произведений,

очерчивающих громадную важную для России тему

Ф М Достоевский, ставший основоположником русской «каторжной прозы», поставил в своем романе-исповеди такие важные проблемы как проблема преступления и наказания Проблема природы человека и его свободы, проблема отношений народа и интеллигенции, проблема палача и палачества Эти проблемы были продолжены и развиты А П Чеховым в путевых записках «Остров Сахалин» Представ перед читателем как ученый и писатель одновременно, А П Чехов умелой совокупностью фактов, эпизодов, отдельных историй свидетельствует о пагубности влияния Мертвого дома на человека, этим самым перекликаясь с произведением Ф, М Достоевского В романе «В мире отверженных» П Ф Якубович дал реалистичную картину российской каторжной действительности

Писатели - летописцы ГУЛАГа, «Вергилии «новой прозы», неоднократно на страницах своих воспоминаний о сталинских лагерях обращаются к творчеству тюремных летописцев XIX века Человеколюбие и вера в человека, в возможность его духовного и нравственного возрождения отличают произведения Достоевского, Солженицына, Чехова, Волкова В Шаламов говорит, что не Бог, а реальные люди помогли пройти ему через ад колымских лагерей В Шаламов утверждал, и отнюдь не голословно, что растление в лагере охватывает всех - и начальников, и заключенных А Солженицын доказывал, что лагерь (ссылка, каторга) не могут сделать из человека преступника, если он не был таковым ранее А растление может охватить человека и на воле По сути, Солженицын высказал мысль Чехова и Достоевского

Значительный вклад А П Чехова и П Ф Якубовича в литературу - это изображение, вслед за Достоевским каторжников, преступного мира который показан Чеховым и Якубовичем беспощадно, во всем его многообразии и безобразии как нравственно-психологическое явление Авторы превосходной группировкой фактов и личных наблюдений показывают практическую непригодность тюрем и островов В «Очерках преступного мира» В Т Шаламов с дотошностью исследователя воспроизводит психологию заключенного, его принципы, вернее, полное отсутствие их

Через все произведения красной нитью проходит мысль об опасности опьянения властью, высказанная Достоевским в полной мере нашедшая свое

отражение в «Колымских рассказах» В Шаламова Установка В Шаламова о том, что писатель - не наблюдатель, а участник драмы жизни, во многом определила как характер его прозы, так и характер многих других произведений писателей-«лагерников» Писатели отмечают что власть избравшая своими орудиями насилие, отрицательно влияют на духовный мир человека и его психику, кровавыми расправами погружают народ в страх и немоту, разрушают в нем понятия добра и зла

Итак, то, что было начато в русской литературе Мертвым домом, было продолжено литературой, получившей название «лагерной прозы» Хочется верить, что у русской «лагерной прозы», если под этим понимать повествования о безвинных политзаключенных, есть только одно будущее - вновь и вновь вспоминать страшное прошлое

Основные положения диссертации отражены в следующих работах автора

1 «Традиции А П Чехова в творчестве А И Солженицына» [«Остров Сахалин» и «Архипелаг ГУЛАГ»] // ИНИОН РАН №57826 от 11 03 2003 г

2 Тема религии как символа душевной стойкости в произведениях писателей-«лагерников»//Социальные и гуманитарные исследования Традиции и реальности Межвуз сб науч тр - Саранск СМВО, 2000 - С 359-366

3 Образ автора в «Записках из Мертвого дома» Ф М Достоевского// Социальные и гуманитарные исследования Традиции и реальности Межвуз сб науч тр - Саранск СМВО, 2000 - С 372-376

4 Особенности проявления авторской позиции в «Колымских рассказах» В Шаламова // Вагант [Сб работ науч о-ва ист - социол ин-та МГУ им Н П Огарева, №2] - 2000 - С 45-49

5 Откровения с каторги [На мордовском мокша языке] // Сятко -№11 - 2000 -С 98-99

6 «Каторжная проза» русских писателей - прообраз «лагерной прозы»//Н П Огарев от XIX к XXI в Материалы и тезисы докл XXVII Саранских междунар Огаревских чтений [к 185-летию со дня рождения] - Саранск Красный октябрь, 1999 -С 72

7 Варлам Шаламов о необходимости создания «новой прозы»// III конференция молодых ученых Мордовского государственного университета им

Огарева Научные труды 22-24 апреля 1998 г - Саранск Рузаевский печатник 1998 -С44

8 Роман П Ф Якубовича «В мире отверженных» как исследование российской каторжной действительности XIX века// III конференция молодых ученых Мордовского государственного университета им Огарева Научные труды 22-24 апреля 1998 г -Саранск Рузаевский печатник, 1998 -С 24

9 Своеобразие «лагерной прозы» [В Кресс «Зекамерон XX века»]/Тезисы докл I конференции молодых ученых Мордовского государственного университета им Огарева – Саранск Рузаевский печатник, 1997 -С 22

10 Проблематика, темы, образы «Колымских рассказов» Варлама Шаламова// Тезисы докл I конференции молодых ученых Мордовского государственного университета им Огарева - Саранск Рузаевский печатник, 1997 -С 36